

В. В. Верещагин

И. С. Тургенев

(1879-1883)

Верещагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания / Сост. и примеч. В. А. Кошелева и А. В. Чернова. -- М.: Сов. Россия, 1990.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Я не был близок с Тургеневым, но виделся с ним в последние годы его жизни и об них пишу теперь несколько слов.

Наше незнакомое знакомство относится ко времени пребывания моего в младшем классе Морского корпуса (1855 г.), куда он привез своего племянника, тоже Тургенева. Тогда я не читал еще ничего из его сочинений, но помню, что и мы, кадетики, и офицеры наши с любопытством смотрели на Ивана Сергеевича; а посмотреть было на что! Он казался великаном, особенно в сравнении с нами, мелюзгой,-- как теперь вижу его, прогуливающегося между нашими кроватями, с заложенными назад руками.

Племянник его был карапуз, с физиономией барбосика, с первых же дней прозванный *отчаянным*; он скоро убежал из корпуса, и Иван Сергеевич снова привез его, уже связанного. Я забыл спросить об этом племяннике,-- если он не был тот самый Мишка, о котором Тургенев впоследствии писал и рассказывал, то очень походил на него.

Прошло много лет; я прочитал и перечитал сначала "Записки охотника", а затем и все его повести и романы. Случилось так, что критику Антоновича на "*Отцов и детей*" я прочел раньше самого романа, и хорошо помню, что она показалась мне пристрастной; когда же прочитал роман, то был поражен односторонностью и узкостью суждений рецензента. Впечатление, произведенное на меня этим романом, было громадно. С тех пор я перечитал его не один раз и постоянно открывал новые красоты, новое мастерство, каждый раз удивлялся беспристрастию автора, его умению скрывать свои симпатии и антипатии. Не только главные лица, но и второстепенные, означенные всего несколькими штрихами, живые люди, намеченные гениальным художником.

"Новь" мне очень не понравилась; еще в первой части многое натурально и типы верны; но вторая часть, очевидно, писалась не по наблюдениям, а по каким-нибудь, из третьих рук добытым, сведениям и догадкам. Признаться, я просто бранился, читая эту вторую часть. Не то, чтобы сюжет шокировал -- нимало; я полагаю, что все в руках большого таланта может быть предметом художественного изображения; необходимо только, чтобы этот большой талант знал предмет, о котором пишет.

* * *

Для лучшего объяснения моей мысли возьму в пример известного французского романиста Золя. Некоторые из романов его, как, напр., "*Assomoir* {"Западня" (*фр.*)}", дышат правдою и верностью типов, другие, как "*Нана*", слабее. Автора укоряют за сальности, описанные в последнем, но я далек от того, чтобы делать ему этот упрек, так как полагаю, что известную среду нельзя описывать, не вдаваясь в известные объяснения и не рисуя известные картины, а между тем, для истории развития человечества, все стороны современного быта должны быть прослежены и описаны. Мой упрек Золя состоит в том, что в "*Нана*" он сплошь и рядом не знал той среды, которую описывал; поэтому, схвативши только наружные, наиболее выдающиеся черты и шероховатости, не мог проследить и передать внутреннюю связь явлений; нагромоздил уродливости одну на другую, удивил, но не убедил читателя.

Если от этого рассуждения а priori {вообще, отвлеченно, умозрительно (*лат.*)} перейти к ознакомлению со средствами и материалами Золя, то окажется, что он и не мог знать так называемого полусвета; ведя очень уединенную жизнь, он только раз заглянул в будуар шикарной кокетки, во время ее отсутствия, для описания спальни "*Нана*" и проч.

Иван Сергеевич рассказывал мне, что, будучи раз позван вместе с автором "*Нана*" в общество, где последний должен был читать, он заметил, что приятель, по мере того как дом наполнялся гостями, все